

Кутумова Софья Александровна

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПОДГРУППЫ "ПРОШЛОЕ-БУДУЩЕ" В ЛИРИКЕ МОДЕРНИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Т. С. ЭЛИОТА)

В статье анализируются особенности восприятия лексических единиц, составляющих одну из подгрупп лексико-семантического поля "Время". Автор рассматривает данные лексические единицы в рамках лирики литературного течения модернизм на материале творчества Т. С. Элиота, в чьих работах симбиозу прошлого и будущего отведена отдельная роль. Актуальность исследования вызвана пристальным вниманием современных лингвистов к разнообразным аспектам лексико-семантической теории как способа наиболее эффективного изучения массива словаря.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 114-117. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Болдырев Б. В.** Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007. 932 с.
2. **Болдырев Б. В.** Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках. Новосибирск: Наука, 1987. 207 с.
3. **Дуткин Х. И.** Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука, 1996. 144 с.
4. **Кузьмина Р. П.** Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 112 с.
5. **Лебедев В. Д.** Охотский диалект эвенского языка. Л., 1982. 241 с.
6. **Лебедев В. Д.** Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 207 с.
7. **Новикова К. А.** Очерки диалектов эвенского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 263 с.
8. **Роббек В. А.** Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. 726 с.
9. **Роббек В. А.** Язык эвенов Березовки. Л.: Наука, 1989. 205 с.
10. **Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков:** материалы к этимологическому словарю: в 2-х т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1. А-Н. 1977. Т. 2. О-Э.
11. **Сунник О. П.** Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л.: Наука, 1982. 247 с.
12. **Цинциус В. И.** Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947. 270 с.

**THE FORMATION OF VERBAL DERIVATIVES IN THE EVEN LANGUAGE
(BY THE EXAMPLE OF THE NIZHNEKOLYMSK DIALECT OF THE EVENS)**

Kuz'mina Raisa Petrovna, Ph. D. in Philology
*The Institute for Humanities Researches and Indigenous Studies
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*
raisakuzmina2013@yandex.ru

The article deals with the formation of nouns, adjectives and adverbs from the verbal stems by means of different affixes in the Nizhnekolymsk dialect of the Even language. Verbal nouns making up the significant part of the derivatives are the most productive and have a wide use not only in the language of the Evens of the Nizhnyaya Kolyma, but also in the other Even dialects. In the work the author uses the field data collected during the expeditions in the Nizhnekolymsk ulus of Yakutia.

Key words and phrases: word formation; Nizhnekolymsk dialect; substantivization; the Even language; dialect; adjectivization; adverbialization.

УДК 8; 811.111:3.39

Филологические науки

В статье анализируются особенности восприятия лексических единиц, составляющих одну из подгрупп лексико-семантического поля «Время». Автор рассматривает данные лексические единицы в рамках лирики литературного течения модернизм на материале творчества Т. С. Элиота, в чьих работах симбиозу прошлого и будущего отведена отдельная роль. Актуальность исследования вызвана пристальным вниманием современных лингвистов к разнообразным аспектам лексико-семантической теории как способа наиболее эффективного изучения массива словаря.

Ключевые слова и фразы: языковая картина мира; культура; лексико-семантическое поле; лексико-семантическая теория; лексико-семантическая группа; лексическая единица; литературоведение; модернизм.

Кутумова Софья Александровна

Московский городской педагогический университет (филиал) в г. Самаре
smartellin@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ
ПОДГРУППЫ «ПРОШЛОЕ-БУДУЩЕЕ» В ЛИРИКЕ МОДЕРНИЗМА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Т. С. ЭЛИОТА)[©]**

В настоящий период достаточно много внимания уделяется различным аспектам лексико-семантической теории. Согласно мнению большинства лингвистов, изучение всего массива словаря одновременно не представляется возможным, в виду чего наиболее пристальному рассмотрению подверглось изучение лексико-семантических групп (ЛСГ), их иерархии и компонентов. ЛСГ «Время» представляет собой один из самых обширных пластов лексики благодаря особенной образности ядерного компонента и его принадлежности к целому ряду наук, в которых он рассматривается, что ведет к частому и повсеместному использованию

лексических единиц (ЛЕ) данной группы. Три базовых компонента дейктического линейного времени – прошлое, настоящее и будущее – среди прочих других выделяются в отдельную лексико-семантическую подгруппу. Обращение к творчеству американско-английского поэта Т. С. Элиота, обладающему яркой художественной выразительностью, позволило выявить особенности употребления существительных данной лексико-семантической подгруппы, а также восприятия природы времени в первой половине XX века в рамках модернистского литературного течения, как нельзя лучше отражавшего общественные настроения того периода.

В рассмотренных двадцати трех произведениях Т. С. Элиота была выявлена 31 лексическая единица подгруппы «прошлое-будущее». Количество употребления в текстах всех лексем этой подгруппы – 128.

В эту подгруппу в рамках рассмотренных текстов вошли:

1) «прошлое»: *history* (история) (1 уп.), *memory/-ies* (вспоминание/воспоминания) (8 уп.), *roots* (корни) (1 уп.), *the dead* (мертвый) (3 уп.), *the drowned* (утопленник) (1 уп.), *winter* (зима) (3 уп.), *oldman/oldmen* (старик/старика) (10 уп.), *age* (старость) (2 уп.), *deadman* (мертвец) (1 уп.), *birth* (рождение) (6 уп.), *past* (прошлое) (7 уп.), *the beginning* (начало) (9 уп.), *experience* (опыт) (2 уп.), *remembrance* (вспоминание) (1 уп.), *backward* (прошлое) (1 уп.). В работах Т. С. Элиота умершие/погибшие, а также время года зима ставятся в один ассоциативный ряд с событиями прошлого, в виду чего лексические единицы *the dead* (мертвый), *the drowned* (утопленник), *deadman* (мертвец) и *winter* (зима) оказались в составе данной подгруппы;

2) «будущее»: *conclusion* (заключение) (2 уп.), *morrow* (завтрашний день) (1 уп.), *goodnight* (доброй ночи) (10 уп.), *end* (конец) (13 уп.), *inheritance* (наследство) (1 уп.), *future* (будущее) (7 уп.), *funeral* (похороны) (3 уп.), *heaven* (рай) (3 уп.), *death* (смерть) (17 уп.), *grave* (могила) (1 уп.), *shadow* (тень) (2 уп.), *darkness* (темнота) (4 уп.), *dying* (смерть) (1 уп.). В восприятии времени Т. С. Элиот руководствуется жизненным циклом, что приводит к рассмотрению смерти как неизбежного будущего. Понятия *shadow* (тень), *darkness* (темнота) и *grave* (могила) находятся в контекстной синонимии по отношению к лексической единице *death* (смерть) на протяжении всего творчества поэта, что также позволяет рассмотреть их в качестве ЛЕ, входящих в состав данной подгруппы.

Для получения более полной картины восприятия времени Т. С. Элиота и его поколения подробнее рассмотрим особенности функционирования наиболее частотных ЛЕ. Стоит учесть и некоторые экстралингвистические факторы, повлиявшие на мировоззрение поэта: лирику модернизма называют искусством дегуманизированной эпохи [1], поскольку само литературное течение возникло после событий Первой мировой войны. Неудивительно, что модернисты в своем творчестве обращаются к темам несправедливости мира, борьбы с социальными институтами, войны, времени и смерти. Концепт «Время», в свою очередь, является одним из центральных в работах Т. С. Элиота. Наиболее частотные ЛЕ подгруппы «прошлое-будущее» – *past* (прошлое), *the beginning* (начало), *birth* (рождение), *end* (конец), *future* (будущее), *death* (смерть).

ЛЕ *past* (прошлое) наиболее часто употребляется с существительным *time* (время) в качестве зависимого слова, а также постоянно подвергается сравнению со словосочетаниями *time present* (настоящее время) и *time future* (будущее время): «*Time present and time past / Are both perhaps present in time future, / And time future contained in time past*» [3] (Время настоящее и время прошедшее / Возможно оба содержатся / В будущем, / А будущее – во времени прошедшем) (*Здесь и далее перевод наш – К. С.*). Согласно мировоззрению Элиота, все части времени – прошедшее, настоящее и будущее – сливаются в одно, представляя собой единое эфемерное пространство: «*Yet the enchainment of past and future*» [Ibidem] (Однако, сплетение прошедшего и будущего), «*If all time is eternally present*» [Ibidem] (Если все время – вечное настоящее). Мотив неразрывности времени проходит через все работы автора, что во многом определяет сочетаемость некоторых из ЛЕ. Данная лексема как имя существительное в рассмотренных работах поэта действует исключительно как зависимое слово. В синтаксическом смысле *past* выступает в качестве подлежащего («*Where past and future are gathered*» [Ibidem] (Где собраны прошлое и будущее)), в том числе одного из однородных подлежащих в составе назывных предложений («*Time past and time future*» [Ibidem] (Время будущее и время прошедшее)), а также в роли дополнения («*Yet the enchainment of past and future / Woven in the weakness of the changing body, / Protects the mankind from heaven and damnation*» [Ibidem] (Вплетенная в изменчивое тело / там вьется нить из прошлого и будущего / Она нас сохраняет от рая и проклятия)).

Роль ЛЕ *the beginning* (начало) по смыслу во многом схожа с единицей *past* (прошлое). Так Элиот продолжает развитие идеи неразрывного существа времени: «*Or say that the end precedes the beginning, / And that the end and the beginning were always there / Before the beginning and after the end*» [Ibidem] (Или конец предшествует началу, / И что конец и начало существовали всегда / До начала и после конца). В отличие от *past* (прошлое), единица *beginning* (начало) выполняет функцию главного слова в словосочетании и наиболее часто употребляется либо с зависимым притяжательным прилагательным *my* (мой) («*In my beginning is my end*» [4] (В моем начале мой конец)), либо с качественным прилагательным *new* (новый) («*And so each venture / Is a new beginning*» [Ibidem] (И каждая попытка – новый старт)). Данная ЛЕ в предложении выступает в качестве подлежащего и дополнения («*Or say that the end precedes the beginning, / And that the end and the beginning were always there / Before the beginning and after the end*» [3] (Или конец предшествует началу, / И что конец и начало существовали всегда / До начала и после конца)), обстоятельства места («*In the beginning was the Word*» [7] (В начале было Слово)), «*In my beginning is my end*» [4] (В моем начале мой конец)), именной части составного именного сказуемого («*And so each venture, / Is a new beginning*» [Ibidem] (И каждая попытка – новый старт)).

ЛЕ *birth* (рождение) функционирует в синонимическом ряду с единицей *beginning* (начало), и как *past* (прошлое) противопоставляется *present* (настоящее) и *future* (будущее), так и *birth* (рождение) находится

в отношениях противления с единицей *death* (смерть) и, как правило, выступает в качестве главного слова в словосочетании. Единственный случай роли зависимой единицы среди рассмотренных в ходе исследования произведений – *agony of birth* (агония рождения). С синтаксической точки зрения, ЛЕ играет роль дополнения («*Not lost, but requiring, pointing to the agony / Of death and birth*» [Ibidem] (Не утерянного, но указующего на агонию / жизни и смерти), «*This: were we led all that way for / Birth and Death?*» [6] (Вот что: вело это нас – вся эта дорога – / К Рождению или Смерти?)) и подлежащего («*There was a Birth, / certainly*» [Ibidem] (Это было Рождение, несомненно), «*this Birth was / Hard and bitter agony for us*» [Ibidem] (то Рождение было / Долгой невыносимой агонией для нас)).

Проанализировав поэтические тексты автора, можно прийти к выводу, что прошлое в творчестве Т. С. Элиота представляет собой некую субстанцию между смертью и жизнью, связанную с мучением – об этом свидетельствует неоднократно использованная ЛЕ *agony* (агония). Данная субстанция, вероятно, также связана с тем, что Элиот называет *heaven and damnation* (рай и проклятие), что опять наталкивает на образ агонии. Аналогично автор рассматривает время от рождения до смерти – взросление – в качестве *weakness of a changing body* (слабость, вплетенная в изменчивое тело). Подобные ассоциации скорее связаны с представлением поэта о жизни человека как о череде тяжелых испытаний в виде войн, болезней, смерти близких, испытанных им самим.

В компоненте «будущее» подгруппы наибольшей частотностью отличаются лексические единицы *end* (конец), *future* (будущее) и *death* (смерть). В работах Т. С. Элиота существительное *end* (конец) преимущественно используется в сопровождении предлога *at* (в), создавая темпоральный оборот *at the end* (в конце) («*At the end of all his crimes was forced to go ker-flip, ker-flop*» [5] (Теперь ему пришел конец – за борт он сброшен был), «*At the end we preferred to travel / all night*» [6] (Под конец мы решили ехать всю ночь)), с отрицательной частицей *no* (нет) («*Journey to no end*» [2] (Путь без конца)). Что касается самостоятельных частей речи, то данная ЛЕ определяется числительным *one* (один) («*Point to one end, which is always present*» [3] (Указывает на один конец, который всегда начало)), притяжательным прилагательным *my* (мой) («*In my beginning is my end*» [4] (В моем начале мой конец)) и качественными прилагательными («*The burn-out ends of smoke days*» [8] (Обожженные концы были), «*Of love satisfied / End*» [2] (Где любая любовь кончается)). С синтаксической стороны ЛЕ *end* (конец) выполняет роль подлежащего («*Or say that the end precedes the beginning*» [3], «*And the end and the beginning were always there*» [Ibidem] (Или конец предшествует началу, / И что конец и начало существовали всегда)) и дополнения («*Before the beginning and after the end*» [Ibidem] (До начала и после конца)). Лексема *end* (конец) широко распространена в творчестве Т. С. Элиота: нередко автор повторяет ее в целом ряде слов в целях придания дополнительной экспрессивности («*End of the endless*» [2] (Конец нескончаемого)).

ЛЕ *future* (будущее), как и *past* (прошлое) и *present* (настоящее), рассмотренные ранее, определяется исключительно существительным *time* (время) («*And time future contained in time past*» [3] (И время будущее содержится во времени настоящем)). В предложении данная единица выполняет роль подлежащего («*And do not call it fixity, / Where past and future are gathered*» [Ibidem] (И не называйте / это определенностью, там сходятся / и прошлое, и будущее)) и дополнения («*Yet the enchainment of past and future / Woven in the weakness of the changing body*» (Вплетенная в изменчивое тело / там вьется нить из прошлого и будущего), «*involved with past and future*» (вовлечено в прошлое и будущее)) [Ibidem].

ЛЕ *death* (смерть) определяется притяжательными прилагательными первого лица («*like / Death, our death*» [6] (как / Смерть, наша смерть), «*Pray for us sinners now and at the hour of our death*» [2] (Молись за нас, грешных, ныне и в час нашей смерти), неопределенными местоимениями («*I should be glad of another death*» [6] (Скорей бы другая смерть)), существительными в притяжательном падеже («*And on the king my father's death before him*» [10] (И о смерти моего отца короля до него)) и сама функционирует в составе притяжательного падежа («*With direct eyes, to death's other Kingdom*» [9] (С твердым взглядом, по ту сторону Царства смерти), «*Let me be no nearer / In death's dream kingdom*» [Ibidem] (Я тоже хочу быть там / В стороне сонного царства смерти), «*Multifoliate rose / Of death's twilight kingdom*» [Ibidem] (Как роза сумеречного царства смерти)). Несмотря на тенденцию последних лет использовать неодушевленные существительные в составе притяжательного падежа в разговорных конструкциях, последнее дает возможность предположить особую важность, присущую смерти: автор фактически наделяет смерть антропоморфными качествами. С точки зрения синтаксиса, упомянутая единица выступает в роли дополнения («*Not lost, but requiring, pointing to the agony of death and birth*» [4] (Не утерянного, но указующего на агонию / жизни и смерти), «*Fear death by water*» [10] (Бойся смерти от воды), «*I had / seen birth and death, / but had thought they are different*» [6] (Я видел / рождение и смерть, / но думал, что они не похожи)), подлежащего («*I had not thought death had undone so many*» [10] (Я не думал, что смерть унесла так многих)), а также обстоятельства места («*With direct eyes, to death's other Kingdom*» [9] (С твердым взглядом, по ту сторону Царства смерти)).

В противовес образам агонии, мучения и слабости в компоненте «прошлое» рассматриваемой подгруппы, будущее в творчестве Т. С. Элиота приносит счастливое избавление, смерть ожидается с радостью («*I should be glad of another death*» [6] (Скорей бы другая смерть)). Более того, смерть настолько важна в мировоззрении поэта, что обладает собственным доминионом – «*death's other Kingdom*» (другое Царство смерти), «*death's dream kingdom*» (сонное царство смерти), «*death's twilight kingdom*» (сумеречное царство смерти). Образ смерти-будущего, в отличие от образа рождения-прошлого, не связан с физической слабостью или мучениями. Напротив: используются лексические единицы, описывающие образы сна, спокойствия и тишины: *dream* (сон), *twilight* (сумерки), *pray* (молитва).

Таким образом, время в понимании автора не делится на фрагменты прошлого, настоящего и будущего, однако прошлое и будущее четко противопоставлены друг другу. С помощью особого выбора лексики Т. С. Элиот создает образ прошлого, связанного с негативными переживаниями, используя ЛЕ *agony* (агония), *weakness* (слабость), *damnation* (проклятие). Образ будущего, напротив, рисуется желанным, и даже смерть несет избавление («*I should be glad of another death*» [Ibidem] (Скорей бы другая смерть)). Неизбежное будущее для всех, по мнению автора, – смерть – лишается негативной коннотации и сочетается с ЛЕ *dream* (сон) и *twilight* (сумерки), отсылающими читателя к образам спокойствия и умиротворенности, а также наделяется одушевленностью посредством употребления притяжательного падежа. Однако, несмотря на очевидные различия, Элиот все же рассматривает два данных фрагмента времени как единое целое («*I had / seen birth and death, / but had thought they are different*» [Ibidem] (Я видел / рождение и смерть / и думал, что они не похожи)), некое универсальное вещество («*And time future contained in time past*» [3] (И время будущее содержится во времени прошедшем)), к которому стремится человек, где царит атмосфера спокойствия («*Let me be no nearer / In death's dream kingdom*» [9] (Я тоже хочу быть там, в стороне сонного царства смерти)) и из которого человека вынуждают выйти в жизнь через агонию акта рождения и существовать в слабости. Подобное отношение к времени и жизни Т. С. Элиота и в целом среди авторов-модернистов во многом обусловлено многочисленными переменами в жизни поколения его современников: резким скачком в промышленности, изменениями бытовых условий существования, быстрым ходом времени, дегуманизацией, а также последствиями двух мировых войн, показавших хрупкость и ничтожность человеческой жизни.

Список литературы

1. Кабанова И. В. Модернизм. Виды эксперимента в литературе модернизма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lincey.net/lit/foreign/modernizm> (дата обращения: 01.04.2015).
2. Eliot T. S. Ash Wednesday [Электронный ресурс] // Poetry X. URL: <http://poetryx.com/poetry/poems/748/> (дата обращения: 02.04.2015).
3. Eliot T. S. Four Quartets 1: Burnt Norton [Электронный ресурс] // David Gorman.com. URL: <http://www.davidgorman.com/4Quartets/1-norton.htm> (дата обращения: 01.04.2015).
4. Eliot T. S. Four Quartets 2: East Coker [Электронный ресурс] // David Gorman.com. URL: <http://www.davidgorman.com/4Quartets/2-coker.htm> (дата обращения: 01.04.2015).
5. Eliot T. S. Growltiger's Last Stand [Электронный ресурс] // Monologues. URL: http://monologues.co.uk/Childrens_Favourites/Growltiger.htm (дата обращения: 02.04.2015).
6. Eliot T. S. Journey of the Magi [Электронный ресурс] // All Poetry.com. URL: <http://allpoetry.com/The-Journey-Of-The-Magi> (дата обращения: 02.04.2015).
7. Eliot T. S. Mr. Eliot's Sunday Morning Service [Электронный ресурс] // Bartleby.com. URL: <http://www.bartleby.com/199/23.html> (дата обращения: 03.04.2015).
8. Eliot T. S. Preludes [Электронный ресурс] // The Poetry Foundation. URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/173478> (дата обращения: 03.04.2015).
9. Eliot T. S. The Hollow Men [Электронный ресурс] // Poetry X. URL: <http://poetryx.com/poetry/poems/784/> (дата обращения: 01.04.2015).
10. Eliot T. S. The Waste Land [Электронный ресурс] // Poetry Foundation. URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/176735> (дата обращения: 02.04.2015).

SPECIFICS OF PERCEPTION OF THE LEXICO-SEMANTIC SUBGROUP “PAST – FUTURE” IN THE MODERNISM LYRICS (BY THE MATERIAL OF THE CREATIVE WORK BY T. S. ELIOT)

Kutumova Sof'ya Aleksandrovna

Moscow City Teacher Training University (Branch) in Samara
smartellin@gmail.com

The article analyzes the specifics of perception of the lexical units constituting one of the subgroups of the lexico-semantic field “Time”. The author examines these lexical units within the lyrics of a literary trend of modernism by the material of the creative work by T. S. Eliot whose works focus on the symbiosis of past and future. The relevance of the research is conditioned by the close attention of the modern linguists to the different aspects of the lexico-semantic theory as a means for the most efficient studies of the lexical corpus.

Key words and phrases: linguistic picture of the world; culture; lexico-semantic field; lexico-semantic theory; lexico-semantic group; lexical unit; literary criticism; modernism.